

Валиева Милеуша Закиевна

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ "КЕ?Е" ("ЧЕЛОВЕК") В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ СТАРОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА XVII-XVIII ВВ.

В статье рассматриваются некоторые лексические особенности понятия "человек" на примере письменных источников Средних веков. Материалом исследования служат памятники старотатарской письменной литературы XVIII в. Изучение случаев употребления ке?е (человек) в контекстах, взятых из письменных памятников данной эпохи, дает возможность проследить синонимические связи и лексико-семантические варианты данной лексемы и сделать выводы о развитии ее семантической структуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/20.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 72-75. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

27. <https://blackfriday.com/> (дата обращения: 17.01.2017).
28. **Langacker R. W.** Concept, Image, and Symbol: The cognitive Basis of Grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. 327 p.
29. **Leeds P.** The 4 Horsemen of the Financial Apocalypse [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thebalance.com/four-horsemen-of-the-financial-apocalypse-4062069> (дата обращения: 29.12.2016).
30. **Les animaux qui dirigent la bourse** [Электронный ресурс]. URL: <http://tradercac.e-monsite.com/pages/conseils/les-animaux-qui-dirigent-la-bourse.html> (дата обращения: 29.12.2016).
31. **Paterson M.** Italy's Renzi says Europe is the «cinderella of global economy» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fxstreet.com/news/922ebf4e-1e16-43fd-a156-15175331b229> (дата обращения: 29.12.2016).
32. **Ross T.** Boris Johnson: The EU wants a superstate, just as Hitler did [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/05/14/boris-johnson-the-eu-wants-a-superstate-just-as-hitler-did/> (дата обращения: 29.12.2016).
33. **Sannat C.** Un nouveau rideau de fer s'est abattu sur l'Europe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economiamatin.fr/news-crise-economique-euro-echec-europe-nord-sud-grece-allemanagne-france-recession> (дата обращения: 29.12.2016).
34. **Waterfield B.** New 'Iron Curtain' threatens to split Europe over economic crisis [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/hungary/4904025/New-Iron-Curtain-threatens-to-split-Europe-over-economic-crisis.html> (дата обращения: 29.12.2016).

SYMBOLS AS THE FACTORS TO APPROACH METAPHORICAL PICTURES IN THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF ECONOMIC EVENTS

Borodulina Nataliya Yur'evna, Doctor in Philology, Associate Professor
Makeeva Marina Nikolaevna, Doctor in Philology, Professor
Gulyaeva Evgeniya Arkad'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Tambov State Technical University
nat-borodulina@yandex.ru; marnikma@inbox.ru; postegea@mail.ru

The article shows the role of symbols when creating metaphorical worldview of economy in the modern globalized society. In the world where mass media (in particular, Internet) acquire the growing importance the border between national-cultural and universal worldview disappears, and nearly every metaphor under certain conditions (usage frequency, temporal factor, national and cultural fullness of the plane of content) can become a symbol. The authors introduce the classification of modern symbols representing the events and phenomena of the world of economy.

Key words and phrases: metaphor; metaphorical worldview; symbol; mass media discourse; national-cultural and universal worldview.

УДК 800.81-112.2

В статье рассматриваются некоторые лексические особенности понятия «человек» на примере письменных источников Средних веков. Материалом исследования служат памятники старотатарской письменной литературы XVIII в. Изучение случаев употребления keşe (человек) в контекстах, взятых из письменных памятников данной эпохи, дает возможность проследить синонимические связи и лексико-семантические варианты данной лексемы и сделать выводы о развитии ее семантической структуры.

Ключевые слова и фразы: старотатарский язык; лексика; понятие «человек»; письменные источники; литературный язык; лексические варианты.

Валнева Милеуша Закиевна, к. филол. н.
*Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
 Академии наук Республики Татарстан, г. Казань
 mily21@mail.ru*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «KEŞE» («ЧЕЛОВЕК») В ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ СТАРОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА XVII-XVIII ВВ.

Татарскую культуру, национальное мышление и, самое важное, развитие литературного языка невозможно представить без тюрко-татарских письменных источников, отражающих дух народа. В рукописных памятниках, создававшихся на протяжении веков, нашли отражение как этапы развития татарского языка, общества, так и мировоззрение народа [1, с. 120]. Это, разумеется, в первую очередь, проявилось в словарном богатстве письменных источников. Поэтому детальное изучение языка древних и средневековых письменных источников, их лексического богатства, особенностей использования отдельных лексических единиц представляет сегодня одну из актуальных задач исторической лексикологии.

Среди литературных источников XVIII века, представляющих собой заметное явление, оставивших яркий след в истории тюрко-татарской культуры и литературы, можно выделить «Таварих-и Булгария» Муслими и «Маджмугыл-хикаят». Что касается истории создания «Маджмугыл-хикаят», его содержания, сюжетной линии и т.д., то они достаточно полно представлены в трудах литературоведов [4, б. 419-427, 503-504]. Но до сегодняшнего дня особенности языка этого источника специально не исследовались, если не считать

работы Х. Хисматуллина, где автор указывает на некоторые языковые особенности рукописи. Он утверждает, что у переведенного с персидского «Маджмугыл-хикаят» ощущается заметное влияние персидского языка и диалекта сибирских татар [Там же, б. 428]. И сборник «Таварих-и Булгария» Муслими исследован только лишь литературоведами. Включенные в сборник «Борынгы татар әдәбияты» отдельные отрывки из этого источника анализируются ими только с точки зрения их идейно-эстетических особенностей [Там же, б. 451]. Лексическое богатство данных тюрко-татарских письменных памятников и другие их особенности были до сих пор вне поля зрения ученых, то есть оставались неисследованной областью. Признавая актуальность исследования исторической лексики, в данной статье мы предполагаем дать анализ лексемы *keşe* (человек) и особенностей использования ее синонимических вариантов, которые нашли отражение в данных памятниках.

В словаре «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге» (Толковый словарь татарского языка) приведены следующие значения слова *keşe* (человек): 1. Личность, живое существо, обладающее даром мышления, речи, способностью создавать орудие и пользоваться им в трудовой деятельности. 2. Используется как единица счета. 3. Кто-то, некто. 4. Кто-то другой, чужой, неизвестный. 5. разг., в переносном смысле. Возлюбленный, друг или будущий муж [5, б. 90].

Как известно, в современном татарском литературном языке используются такие синонимические варианты слова *keşe* (человек), как *adäm* (не животное), *insane* (личность, индивид), *bändä* (жалкое, униженное создание), которые обозначают одно и то же понятие «человек». В трудах, посвященных специальным исследованиям проблем синонимии в татарском языке, по поводу лексической единицы приводятся следующие сведения: «Слова *adäm*, *insan*, *bändä* характеризуют лицо, способное мыслить, и считаются идеографическими синонимами слова *keşe* (человек), которые в случае акцента на той или иной особенности этого понятия различаются смысловыми оттенками, а общее понятие передают словом *keşe* (человек)...» [6, б. 106]. Поясняется, что «...понятие – семантический смысл, в основном передается через акцент на то или иное качество: то, что *adäm* – не животное, *bändä* – жалкое, униженное создание, раб, *insan* – используется в возвышенном, книжном стиле, *kemsä* (кто-то) – характерен для разговорного стиля» [Там же, б. 107].

Следует отметить, что в старотатарских текстах количество слов, создающих лексико-семантические варианты слова *keşe* (человек), намного больше, чем в современном татарском языке: *adäm* (не животное), *keşe* (человек), *kemsä* (кто-то), *kemsänä* (кто-то), *insane* (индивид), *zat* (лицо), *bändä* (человеческое существо), *šäxes* (личность) и др. В смысловом отношении слова данного синонимического ряда друг от друга не отличаются и являются абсолютными синонимами. Однако контекст позволяет выявить характерные для каждого из них нюансы, отличия.

В «Таварих-и Булгария» Муслими лексема *keşe* (человек), по существу, используется в первом, основном, значении. В данном случае эта лексема в свободном от эмоционально-экспрессивных оттенков виде встречается в составе словосочетаний *keşe ardynnan* (вместе с человеком), *alty keşe* (шесть человек), *keşe ültermäk* (убить человека), *nä keşelärse* (какие-то люди):

Ul keşe ardynnan däšär [3, б. 25]. / Этот человек будет говорить из-за толпы людей (здесь и далее перевод автора статьи – М. В.).

Ūze Kukan keşese irde, andan täglim aldy [Там же, б. 32]. / Он был человеком Кукана, у него и учился.

Ul kön ämbiyälärdän aity keşeyä täšam ulyndy [Там же, б. 8]. / В тот день шесть пророков предались унынию.

Keşe ültermäk kebi ešlär çuk irde [Там же, б. 43]. / Таких страшных событий, как убийства людей, в те времена было очень много.

Karavylçylar äytdilär, sezlär nä keşelärsez [Там же, б. 41]. / Стража спросила, чьи мы люди.

Как видно из приведенных примеров, в данных предложениях понятие *keşe* (человек) в основном использовано в первом номинативном смысле и означает личность, способную мыслить и говорить.

Как известно, в татарском языке главным синонимом данной лексической единицы является слово *adäm* (из человеческого рода). В выбранном нами для исследования источнике единица *adäm* (из человеческого рода) встречается достаточно часто. Нередко она представляет собой прямой эквивалент, т.е. является абсолютным синонимом слова *keşe* (человек): *Ul taşnyñ bersene ber kemsänä älenä alsä, «öff» disä, ul taš eçennän adäm surätle taš çyğar* [Там же, б. 24]. / Если один из этих камней возьмет в руки человек (кемсә), скажет «уфф», из этого камня появится камень в виде человека (адәм).

Но, как видно из собранного фактического материала, лексема *adäm* (не животное, из человеческого рода) чаще всего используется при описании явлений и событий, связанных с религиозными представлениями: *Vä žomğa küñ alty yöz ben adämlärne Allahy Täğälä žähännämädän azad idär* [Там же, б. 8]. / И в пятницу Аллах сто шесть тысяч человек освободит из ада.

Слово *adäm* (не животное, из человеческого рода), находясь в смысловой связи со словом *bäni* (дети), часто встречается в составе словосочетания *bäni adäm*, т.е. *adäm балалары*, и выражает смысл «все жители земли, кто принадлежит к человеческому роду»: *Bišençe barmağy išarätter bāni adām balalary kayu yirdä üläçägene vä kačan üläçägene belmäslär, mägär Allahy Täğälä beler dimäkter* [Там же, б. 18]. / Пятый палец символизирует и указывает: люди не будут знать, где и когда умрут, знает только Аллах.

В «Маджмугыл-хикаят» находит отражение и потенциальный смысл слова *bändä* (жалкое, униженное создание): в составе словосочетания *atamnyñ bändäsi* (человек моего отца) разъясняется смысл понятия «раб», встречающегося лишь в этом произведении: *Vä agar mäni tanymasañ, män ul ak jyñan toryrmän kem, kara yelannyñ kulyndin xälas kyldyñ vä säbäbe häyätäm sän buldyñ vä ul kara jyñan atamnyñ bändäsi irde vä daim mäña gädävät kylyb forsät saklar irde* [2, б. 505]. / Если ты меня не узнал, я был белой змеей, ты меня спас от черной змеи, а эта черная змея была рабой моего отца и всегда хранила против меня злобу.

В этом письменном памятнике в силу религиозных представлений человек часто противопоставляется нечистой силе и прочим живым существам (нелюдского рода). В этом случае автор обращается к словоформе *adämi*. Несмотря на то, что это слово используется как прилагательное, здесь, используя во множественном числе, оно субстантивируется и означает тех, кто принадлежит к людям, как понятие «кеше» (человек): *Vä däxi ul atauda adämilär vardyr* [3, б. 21]. / На этом острове были люди (адәмиләр).

В «Маджмугыл-хикаят» в самом тексте наблюдается такое противопоставление: *Ėevanmärd päri äyde: šöker vä xezmät kylyb, minnätne üz girdämängä alyb, xahäremne siņa birermen, ämma döşvar ul torur kem, sän adämi, ul päri torur* [2, б. 506]. / Юноша-джин сказал: благодаря тебя и служба тебе, творя добро, я отдаю тебе свою сестру, но сложность в том, что ты – человек, а она – из рода джинов.

Если в «Таварих-и Булгария» (История Булгарии) лексическая единица *adämi* используется самостоятельно, то в «Маджмугыл-хикаят» (Сборник хикаятов) она часто встречается в составе словосочетания *adämi zat* и выражает следующий смысл, упомянутый выше: *Padašahzadä äyde: allah, allah, xoday xaky, bu süzne dimägel, bu süzne ütkel, agar mändin xata vöžütkä kilsä, män täübä kyldym, gafu kylğyl, adämi zat xatasyz vöžütkä kilerme* [Там же, б. 511]? Падишахзаде сказал: ради Аллаха, не говори этого слова, прости меня, после совершения этой ошибки я тысячу раз раскаялся, просил прощения, разве человек бывает безгрешен?

Когда уважительно отзываются о человеке и хотят показать его положительные качества, в значении *keše* (человек) используется слово *ähel* (деятель, представитель). В этой лексеме находят отражение такие качества, как благородство, интеллигентность, религиозность: *Padišah xäzräte bik sabyr ählidän ide, karavylçylarğ äğäyrmajyb, akryn ädäb berlä, ja fälän, sän bänem täxtemneñ ajaklaryny kismägel, zira ki, atalarymazdan kalgan mirastyr, zinnäte kitmäsen, dide* [3, б. 16]. / Падишах был из терпеливых представителей, не вызывая стражу, тактично сказал, чтобы ножки его трона не укорачивали, что это – наследство, доставшееся от отцов, чтобы не лишали его красоты.

В тюрко-татарских письменных памятниках для выражения понятия *keše* (человек) часто использовалась лексическая единица *bändä* (жалкое, униженное создание, раб). В современном татарском языке это слово встречается в значении «бестолковый, безвольный, жалкий человек», что нашло отражение и в Толковом словаре татарского языка [5, б. 208]. В письменных памятниках XVIII века эта единица главным образом встречается в тексте при описании людей из низшего сословия, состоящих в подчинении кому-либо:

Kabere säter ulynmaqta Allahu Täğäläneñ ser ġazyjmy vardyr, bändälär any idraq idä belmäzlärder [3, б. 12]. / В том, что могила твоя зарыта, есть божественная тайна, люди не в состоянии ее понять.

Xäzräte Xozyr ġälähisällam ber fäkyjr surätendä toryb, ja padišahe, ačyğlanmağyl, zira ki anlar da bändälärder [Там же, б. 17]. / Пророк Хызыр представал то в облике нищего, то в облике арабского падишаха, говоря: не обижайся, они ведь тоже люди.

Когда в произведении речь идет о неизвестных людях или группе людей, автор слово *keše* (человек) заменяет на кемсә (кто-то, кто-либо): *Šijlä ziker ulyndy: baxre Moxit dairäsen kürmäk ücün Misyр šahy Xuža Bäjräm ber köjmä tözette, alty jylyk azyklary berlä biš jöz kemsäne žibärde, anlarğa ber xas räis kuşty* [Там же, б. 21]. / Совершилась молитва: для путешествия к Индийскому океану египетский шах Ходжа Байрам построил судно и отправил пятьсот человек с запасом еды на шесть лет, выбрав для них предводителя.

В произведении лексема *kemsä* (кто-то) иногда используется в форме *kemsänä* (кто-либо): *Bu ike kemsänä kebi žihanda kürkäm kemsänälärne kürgänem juk irde dide* [Там же, б. 40]. / Он сказал, что таких, как эти двое, привлекательных людей он в мире не встречал.

При обращении к неизвестному уместно использована лексема *fälän* (некто). Первоначально она имеет форму обращения: *Ja fälän, sän bänem täxtemneñ ajaklaryny kismägel, zira ki, atalarymazdan kalgan mirastyr, zinnäte kitmäsen, dide* [Там же, б. 16]. / Эй, некто, ты ножки моего трона не срезай, это наследие, доставшееся от предков, не лишай его красоты.

Значения «каждый человек, все люди» в литературном памятнике в отдельных случаях передаются посредством единицы *här кем / härкем* (каждый): *Vä härкем ul күндä тыrnak kissä, ġam vä ġossadan qortymaja* [Там же, б. 9]. / Если в этот день все люди будут стричь ногти, будет тревога и война.

Значения *бер генә кеше дә* (ни один человек), *беркем дә* (ни одного), *ничкем* (никто) в «Таварих-и Булгария» (История Булгарии) передаются через словосочетание *hич нәфес* (каждая душа): *Dürtençe barmağy işarätter, hiç näfes belmäş irtägä ni käseb kyjlasyn, Allahu Täğälädän ġayre delmäslär* [Там же, б. 17]. / Четвертый палец символизирует и указывает на то, что ни один человек не знает, что будет завтра, никто кроме Аллаха не знает.

В «Маджмугыл-хикаят» то же понятие, т.е. «беркем, ничкем» (никто), передается словосочетанием *hич кеше* (ни один человек): *Bäs padišahzadä päri berlän xilväxanädin çyktylar, andağ кем, hiç keše alarны kürmäde, vä žilgä meneb, jözlären saxrağa qyldylar* [2, б. 506]. / Падишахзаде с джином вышли из дворца, ни один человек их не увидел, стоя на ветру, они оглядели дуга и поля.

В заключение следует отметить, что каждый автор отличается особенностями использования той или иной лексической единицы. С одной стороны, если при использовании слов *adäm* (из человеческого рода), *keše* (человек), *insane* (инвивид, личность), *bändä* (жалкое, униженное создание) в тюрко-татарских письменных памятниках XVIII века придерживались литературных традиций, то, с другой стороны, они употреблялись в несколько обновленном виде и служили в произведении средством описания. Основные значения этих слов, составляющих синонимический ряд, используются в более расширенной тональности, как то требует содержание того или иного произведения. Слова *adäm* (не животное, из человеческого рода),

bändä (жалкое, униженное создание), *ähle kem* (представитель), *kemsänä* (кто-то), *fälän* (некто) и словосочетания *här kem* (каждый), *hiç näfes* (каждая душа), *adämi zat* (лицо из человеческого рода), использованные в качестве лексико-семантических вариантов слова *keşe* (человек), отличаются друг от друга и смысловым объемом, и эмоционально-экспрессивной окраской. Эти синонимические варианты не только обогащают коннотацию лексемы *keşe* (человек), но и показывают, насколько богат язык татарского народа.

Список литературы

1. Мирхаев Р. Ф., Миннуллин Б. К. Старотатарский литературный язык в конце XIX – начале XX века: функционально-стилистические особенности употребления деепричастия на *-ын (-ур)* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 118-120.
2. Мәжмугыл-хикәят // Борынгы татар әдәбияты. Казан: Тат. кит. нәшр., 1963. Б. 503-526.
3. Мөслими. Тәварихы Болгария. Казан: Иман нәшрияты, 1999. 101 б.
4. Татар әдәбияты тарихы: алты томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1984. Т. 1. 568 б.
5. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. Т. 1. 475 б.
6. Ханбикова Ш. С. Татар телендә синонимия һәм сүзлекләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1980. 208 б.

LEXICO-SEMANTIC REALIZATION OF THE NOTION “KEŞE” (“MAN”) IN THE OLD TATAR LITERARY MONUMENTS OF THE XVII-XVIII CENTURIES

Valieva Mileusha Zakievna, Ph. D. in Philology

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences
mily21@mail.ru*

The article examines certain lexical peculiarities of the notion “man” by the example of the medieval written sources. The Old Tatar literary monuments of the XVIII century serve as a material for research. The analysis of the word *keşe* (*man*) usage in the contexts acquired from literary monuments of the epoch allows the author to identify the synonymic relations and lexico-semantic variants of the mentioned lexeme and to make conclusions on its semantic structure development.

Key words and phrases: Old Tatar; vocabulary; notion “man”; written sources; literary language; lexical variants.

УДК 811.161.1

В статье рассматривается проблема, связанная с представлением языка в качестве объекта научного изучения. Выводы, к которым приходит автор, состоят в том, что способы репрезентации языка-объекта (описательный и объективационный) основаны на дискурсивных практиках учёного и рядового носителя языка, которыми владеет языковая личность лингвиста. В результате анализа установлено, что проблема репрезентации языка-объекта должна рассматриваться на трёх уровнях: научного текста, научного дискурса и языковой личности учёного.

Ключевые слова и фразы: язык-объект; языковые примеры; научные лингвистические тексты; научный дискурс; языковая личность учёного.

Виноградов Алексей Сергеевич

*Череповецкий государственный университет
vinogradov.vinalex2010@yandex.ru*

**ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКА-ОБЪЕКТА
В НАУЧНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ**

Проблема репрезентации языка-объекта в научных лингвистических текстах представляется важной и актуальной с самых разных точек зрения. Данная проблема напрямую связана с вопросом о форме существования языка, который по справедливости считается одним из узловых для науки лингвистики. В плоскости этого вопроса язык осмысливается с двух позиций: как объект и как предмет научных исследований. Исследователи, размышляя об онтологической стороне формы существования языка, пишут следующее: «вопрос о предмете науки о языке встал одновременно со становлением теоретического языкознания. Однако и в настоящее время нет единого мнения о том, что такое язык, как он существует в действительности, каковы его границы как явления действительности и предмета научного познания, в каком отношении к языку как средству общения в коллективе находится речь говорящего и др.» [2, с. 19]. Отталкиваясь от выраженного в цитате мнения, отметим, что на сегодняшний день, насколько мы можем судить по доступной нам литературе, открытым остаётся и вопрос о репрезентации языка-объекта в научных лингвистических текстах.

Целью настоящей статьи является освещение результатов научного исследования, касающихся темы репрезентации языка-объекта в научных лингвистических текстах. Данные результаты получены в рамках